

Прежний редактор Иван Федорович Лохматов пошел на повышение — возглавил более солидный орган Ливенского горкома партии.

Новый, Валентин Иванович Тепляков, по образованию учитель, до этого назначения руководил отделом райисполкома. Естественно, в газетном деле разбирался слабо, писал редко, все больше передовицы.

Был добрым, веселым человеком, характера нечиновного, мне как заместителю доверял полностью. И само собой получилось,

что из-за своей постоянной занятости (командировки в хозяйства, различные совещания и заседания) работу по выпуску газеты передоверил мне.

Коллектив районки небольшой, пишущих — три-четыре человека. И хотя вся работа по выпуску газеты под грифом «Знамя Октября» выходила раз в неделю, крутиться приходилось здорово.

Однажды и про себя забыл — засиделся за вычиткой материалов очередного номера. Вижу в окно, к зданию редакции подъехал запыленный «козлик». Из машины вышли сотрудники «Орловской правды» Иван Миронов и Борис Галкин (они часто у нас в районе были), а с ними незнакомый парень — высокий, статный, с грибовидной темной головой, в рубашке с закатанными рукавами.

Встретил их на улице. Улыбчивый Иван Константинович, заметно припадая на раненую ногу, поздоровался:

— Ну нас знаешь, а это... Как бы тебе его представить более весомее?... В общем, известный советский поэт Дмитрий Блынский (на снимке справа), наш земляк.

Подхватив шутиливый тон Миронова, я продолжил, крепко пожимая руку гостю:

— Не известный, а настоящий наследник Тютчева и Фета... хватил, — засмущался Дмитрий, и легкая краска выступила на его щеках.

Так летом 1959 года состоялась моя первая встреча с Блынским.

Потом была поездка на пруд в район знаменского полейца, рыбалка, уха и все, что связано с ухой. К нам присоединился редактор, стало заметно веселее. Гости читали стихи: Иван Миронов своих любимых Маяковского и Есенина, Блынский — новые произведения из только что вышедшей в издательстве «Советский писатель» книги «Иду с полей».

Встреча затянулась до полудня. Когда я рассказал, что тоже служил на флоте, на Северном, были обаяния с Димой, который несколькими годами раньше прошел матросскую службу на Балтике. Вот тут-то я и поведал Блынскому, кто зачислил его в наследники Тютчева и Фета.

...1957 год. Просторный матросский клуб Северноморска. Чтобы не затеряться в огромном зале, мы тесной группой усаживаемся поближе к окнам, через которые пробивается сумеречный свет. Мы — это члены литературного объединения при главной газете Северного флота «На страже Заполярья».

Сегодня — очередное занятие. Как сказал наш руководи-

тель поэт капитан Владимир Матвеев, будем обсуждать подборку стихов матроса Алексея Проценко, очерк старшего матроса Володи Соломатина о героях-североморцах. Своими творческими планами поделился гость газеты известный поэт-маринист Николай Флёров.

Обсуждение творчества кружковцев всегда проходит бурно. Так было и в этот раз. Из 15 начинающих поэтов и прозаиков выступили почти все: кому-то поправилась неубитая строчка стиха, кто-то укорил автора в излишнем

очень часто. Это вполне объяснимо: матросская служба трудна, до отказа заполнена авралами, учениями, многодневными морскими походами.

Но зато стихи Рубцова все чаще и чаще появляются во флотской газете, в различных сборниках. Поэтический голос его крепнет, набирает силу.

У меня сохранилось несколько номеров газеты «На страже Заполярья», где опубликованы произведения моих товарищей по литобъединению. Как правило, стихи и рассказы начинающих

знание искреннее, чистое и пронзительное.

А вот номер газеты от 3 августа 1958 года. Под заголовком «Полнее и ярче отображать жизнь и службу североморцев» публикуются итоги конкурса на лучшее литературное произведение, посвященное 25-летию Северного флота. В разделе «Стихи» читаю: «Третью премию (первая вообще не присуждалась) в размере 400 рублей присудить матросу Н. Рубцову за опубликованные в газете стихи «Сердце героя», «Штурм», «В по-

то, что нас на флот ведет и в полк, Вечно будет, что там ни пишешь, Первым словом мысли и души!

Я намеренно привел эти ранние стихи 19-летнего матроса. Ведь они, к сожалению, почти неизвестны широкому читателю, настоящим любителям творчества поэта. Даже в более полных собраниях его произведений, выпущенных московскими издательствами к недавнему 70-летию Рубцова, их не найдешь. Либеральные критики считают стихи, навязчиво патристические, выбивающимися из общей рубцовой тональности, рубцовского почерка.

Никогда не соглашусь с этим.

Кстати, немало стихов патристического направления есть и у Дмитрия Блынского. К сожалению, они тоже не попали в сборники, даже выходящие в советский период, когда к данной тематике отношение было совсем другим. И лишь последняя книга «Я полон света», подготовленная его сестрой Валентиной Блынской и поэтом Петром Родичевым (издательство «Вешние воды», 1997 г.), более полно представляет творчество нашего земляка.

О том, как деревенский паренек с детства мечтал о морских просторах, как добивался, чтобы его призвали именно на флот, Блынский рассказал в своей ранней поэме «Здравствуй, море!» В ней еще сильно чувствуется влияние поэзии Твардовского.

...Молчит, задумчив и суров,
Усатый военком.
Решение ждет Егор Бургов:
«Мне б только моряком!»
Глядит в глаза ему майор,
Как будто говорит:
«Матросом трудно быть, Егор,
И, может, вельшь зря»...
Глядит в глаза ему майор
И руку подает.
— Мечтал о море?
— С давних пор...
— Пойдешь служить во флот!
И под собой не чуя ног
Бургов к друзьям идет.
— Ну как, Егор?
— Ну как, сынок?
А он:
— Иду на флот!..

Наиболее полно отображена трудная и одновременно овеянная романтикой служба в поэме Блынского «Верный друг», над которой он работал в перерывах между вахтами. Она о любви к Родине, о воинском долге, о вечных человеческих качествах: честности, порядочности, ответственности.

... Я на посту! И я в минуты эти
Не только перед кубриком в ответе —
Я, стоя здесь у моря, отвечаю,
Как на переднем крае, как в бою,
Пред матерью, что, колыбель качая,
Поет ребенку «Баюшки-баю»;
Перед влюбленными, кому сейчас,
Хоть ночь идет к концу —
К заре, не спится,
Что, сидя где-нибудь который час,
Никак в любви не могут объясниться;
Перед ученым вдумчивым и строгим,
Что над какой-то формулой корчит;
Перед юнком курносом, боносогим,
Что, разбросав ручки, сладко спит;
Перед учителем с седыми прядями,
Склонившимся над детскими тетрадками.

Да, я сегодня перед всем в ответе,
Что есть хорошего на белом свете...
Он читал отрывки поэмы своим друзьям-сослуживцам, и они, вымотанные штурмами, шумно аплодировали «своему» поэту. С этой поэмой Блынский участвовал в конкурсе лучших чтецов Балтийского флота и занял первое место, получив от командования благодарность и почетную грамоту.

Александр МАКУШЕВ.
(Окончание следует.)

ДВА МОРЯКА:

ОДНА СУДЬБА

консерватизме, кто-то, наоборот, لاحظал, что матрос Проценко слишком «умячает» рифмами.

Мы молоды, задиристы, подчас излишни. Но к мнению своего коллеги матроса Коли Рубцова все очень прислушиваются. Этот небольшого роста парень-рубаха, веселый, общительный, умеющий так лихо играть на гармошке, по части творчества, можно сказать, всех нас обошел. Стихи визирища с эскадренного миноносца регулярно появляются в газете «На страже Заполярья», его подборка рекомендована в сборник «На страже Родины любимой», который выпускает политуправление флота. Да и руководитель литобъединения постоянно выделяет Рубцова, считает его очень перспективным.

А пока матрос Рубцов (на снимке слева) в перерыве подходит ко мне, озорно так говорит:

— Орловец, ты в «Комсомольской правде» читал про своего земляка Дмитрия Блынского? Нет? Почитай, почитай! Сам Исаковский о нем доброе слово сказал, талант его отметил... Действительно, прекрасные стихи. Вот как надо писать! Кстати, ты его знаешь, видел его?

Разочаровал Колю. Не знал я тогда Блынского. Хотя читал его стихи, опубликованные в «Орловской правде». Мне друзья присылали газетные вырезки. Стихи очень нравились, что называется, за душу брали.

Не помню, на каком очередном сборе кружковцев я передал Рубцову недавно вышедшую в издательстве «Орловской правды» первую книжку Блынского «Сердцу милый край». Коля внимательно прочел ее и при встрече здорово хвалил, назвав Блынского настоящим наследником Тютчева и Фета.

К слову, на занятиях литобъединения Рубцов появлялся не

литераторов выходили по воскресеньям в «Странице дня строго соблюдалась: доброе напутствие новичку давал его товарищ-кружковец.

Третья страница номера от 12 октября 1957 года открывается фотографией Рубцова и подборкой его стихов под общим заголовком «В добрый путь, Николай Рубцов!». Небольшая врезка с рассказом о матросе, его творчестве подписана старшим матросом Геннадием Фокиным.

В подборке пять стихотворений. Среди них и это:

Помню ясно, как вечером летним
Шел моряк по деревне, и вот
Первый раз мы увидели ленту
С гордой надписью «Северный флот».
Словно бурями с моря пахнуло,
А не запахом хлеба с полей,
Как магнитом к нему потянуло,
Кто-то крикнул: «Догоним скорей!»
И когда перед ним появились
Мы, взметнувшие пыль с большака,
Нежным блеском глаза осветились
На суровом лице моряка.
Среди шумной ватаги ребячьей,
Будто с нами знакомый давно,
Он про море рассказывать начал,
У колодца присев на бревно.
Он был весел и прост в разговоре,
Руку нам протянул: «Ну пока!»
... Я влюбился в далекое море,
Первый раз повстречав моряка!

Первое признание молодого поэта, еще вчерашнего деревенского паренка, в своей влюбленности в морскую стихию, при-

темы, тщательно работает над своими стихами, внимательно прислушивается к замечаниям и советам товарищей по литературному объединению. Результатом этого явился значительный рост поэтического мастерства Н. Рубцова.»

В этом же году политуправление Северного флота выпустило сборник «На страже Родины любимой». В нем с десятком стихов Рубцова. Вот два из них.

ШТУРМ

Нарастали волны громовые,
Сразу душно стало в рубке тесной.
В сильный шторм попал матрос
впервые,
Заболел матрос морской болезнью.
Перенести труднее, чем горячку,
Этот вид болезни. И встревоженно
Старшина сказал ему: «На качку
Обращать внимания не положено!»
Про себя ругая шквальный ветер,
Скрыл матрос свое недомогание
И, собравшись с силами, ответил:
«Есть не обращать внимания!»
И, конечно, выполнил задачу,
Хоть болезнь совсем его измучила.
Верно говорят: «Моряк не плачет!»
Не было еще такого случая...

ПЕРВОЕ СЛОВО

Холод, сосны, звезды в ноябре.
Поцелуй наши на дворе.
Как в тумане яркие огни,
В памяти сияют эти дни...
Вдруг, порывы юности поправ,
Стал моим диктатором Устав,
Отшумел волос девятый вал,
Шпиль на голове, в глазах — аврал.
Все же слово молодости «долг»,

(Окончание. Начало в № 209).
 В 1954 г. отрывки из поэмы Д. Блынского "Верный друг" напечатала "Орловская правда", а потом опубликовал центральный молодежный журнал "Смена". Об этом не преминул с гордостью сообщить родным уже студент Литературного института.

Тема моря, суровых испытаний занимала немалое место в творчестве обоих поэтов. Николай Рубцов благодарен морю за многотрудную выучку, за то, что в этой стихии он испытал себя, выдержал, не распустил нони:

Я труда научился
 на флоте,
 И теперь на любом берегу
 Без большого размаха
 в работе
 Я, наверное, жить не смогу...
 ("Мое море")

Находясь на военной службе, молодой поэт Николай Рубцов не забывает свою малую родину, "среди полей задумчивые села, костры в лугах и песни пастухов". В стихотворении "Трусты" он пишет:

Любимый край мой, нежный
 и веселый,
 Февральских нив серебряный покров
 И двор пустынный, снегом
 занесенный...
 Как я грющу у дальних берегов!

А в стихотворении "Ось" Рубцов целено формулирует свое поэтическое призвание:

Но моя родная земля
 Надо мной удерживает власть,
 Память возвращается, как плита,
 В то гнездо, в котором родилась.
 И вокруг любви неподобной
 К солтам, к соснам, к ягодам Руси
 Жизнь моя вращается незримо,
 Как земля вокруг своей оси...

Такая же ностальгия и у Дмитрия Блынского. Вот короткое стихотворение "Тихому океану":

Медленно вворачивай бока ты,
 А реветь — куда как ты здоров:
 Даже грозы, даже их раскаты
 Заглушает твой обычный рев.
 У меня любовь к тебе большая,
 Слушал бы тебя, не спал ночей,
 Если б дома, рев твой заглушая,
 Не журчал наш маленький ручей.

Поэтов объединяют не только тоска по морю и любовь к родному краю, в их биографиях немало схожего. Оба родились в деревне в трудные предвоенные годы. А потом война, сиротство, голод, холод, неустроенность.

В литературе они выбрали свой путь, намеренно отмежевались от той громкой эстрадной поэзии, которая в 60-е годы царила "повсеместно". Выбрав "тихую лирику", они стали достойными выразителями тютовческих, фетовских и есенинских традиций.

Кредо Николая Рубцова:
 Я переписывать не стану
 Из книги Тютчева и Фета...
 Но я у Тютчева и Фета
 Проверю искренне слово,
 Чтoб книгу Тютчева и Фета
 Продолжить книгою Рубцова!

Так оно, собственно, и произошло.

Свой взгляд на творчество полно и образно выразил Дмитрий Блынский в стихотворении "Поэзия":

Здоровое сердце без крика и грома
 Безавачно стучит, не хвалится, не гроза.
 Спокойно, как будто бы нет его дома,
 Как будто бы нет, а без сердца —
 нельзя.
 Здоровое сердце скромнее и строже
 Без усталости бьется, не смея устать.
 Поэзия! Ступица жизни, ты тоже
 Должна быть здоровому сердцу
 под стать.

Родом из деревни, именно среди полей и лугов находят поэты свои нравственные идеалы. Размеренная жизнь сельских

тружеников, их привычные повседневные заботы отвечают постоянно души Блынского и Рубцова. Их поэзия живет, дышит, тревожится заботами простых людей.

Перечитайте поэтическую зарисовку Блынского о колхозном садовде. Он до войны сажал эти деревья, лелеял их в лихую годину ("очистил раны и бережно, как мог, забинтовал"), радовался первым яблокам. И вот недавно умер.

Ни пятнышка на небе, голубое,
 Оно лежит, обняв простор земли.

В горнице моей светло.
 Это от ночной звезды.
 Молча возьмет ветер...
 Молча принесет воду...
 ("В горнице")

Всё дорого поэту, что связано с мамой:

В зарослях сада нашего
 Прятался я как мог.
 Там я тайно выращивал
 Аленский свой цветок.
 Этот цветочек маленький
 Как я любил и прятал!
 Нежил его — вот маменька
 Будет подарку рада!

горя на своем веку. Особенно тяжело было в годы немецкой оккупации:

О наша мать!
 Она святая словно:
 В нее стреляли дважды, но — жива!

Однажды фашист, то ли озлобленный чем-то, то ли решил пошутить, схватил винтовку и прицелился в мать Дмитрия. Прогремел выстрел.

Я взглянул — ты стоишь,
 Видно, пуля ударила выше.
 И на голову пыль

ДВА МОРЯКА: ОДНА СУДЬБА

Как будто сговорились меж собою,
 Все облака за окном ушли.
 Молчат мужчины, женщины голоса,
 Серьезны, строгие лица у ребят.
 Махарыча на кладбище уносят.
 А сад цветет, цветет колхозный сад...

Дед Фила из рубцовского стихотворения "Добрый Фила" живет в лесном хуторке "меж звериных дорог". Здесь нет ни газа, ни электричества, ни теплой ванны. Дед любит животных, природу и всем доволен.

Мир такой справедливый,
 Даже нечего кричать...
 — Фила, что молчишь?
 — А о чем говорить?..

Есть еще одна тема, которая так сближает поэтов, — трепетное, нежное, поистине святое отношение к матери.

Н. Рубцов.

Д. Блынский.

Кстати ли, некстати ли
 Вырастаю всё же смог...
 Нёс я за гробом матери
 Аленский свой цветок.
 ("Аленский цветок")

Оседала с соломенной крыши...
 Так осела, что после
 Не смель её было водюю.
 Все прошло, а тебя
 С той поры называют садою.
 ("Девять лет было мне")

Поэт посвятил матери целый цикл, который открывается стихотворением "Солнечное слово":

Громко мы его не произносим,
 Мы его с рождения в сердце носим,
 Нам к нему любви не занимать...
 Это слово, тихое, простое,
 Это слово солнечное — Мать!

Став уже известным, сын всегда помнит о тревогах и заботах матери, из каждой поездки везет ей гостиницу.

Да, уже к 30 годам Блынский становится известным советским поэтом. Слава пришла к нему рано. Богом данный талант Дмитрий развивал кропотливым, упорным трудом.

Стоит, наверное, отметить, что и судьба была благосклонна к нему, посылая добрых наставников, настоящих друзей. Это они словом и делом помогали ему утвердиться на избранном пути, в трудных жизненных ситуациях не отвернулись, а протянули юноше свою руку. В их числе заместитель начальника областного управления культуры в 50-е годы Иван Медведев, руководитель семинара в Литературном институте Лев Ошанин, знаменитые поэты Михаил Исаковский и Александр Твардовский, другие люди.

Значительную роль в становлении молодого таланта сыграли газета "Орловская правда" и ее редактор Иван Михайлович Панков. Начиная с первых, еще несовершеннолетних стихов и кончая самыми известными произведениями, почти все они публиковались в "Орловской правде". Не случайно и то, что первая книжка поэта "Сердцу милый край" вышла именно в издательстве этой газеты.

По приглашению Патенкова Дмитрий Блынский два года работал специальным корреспондентом "Орловской правды". А это постоянные командировки, многочисленные встречи с людьми, новые замыслы, новые стихи. Этот период своей жизни поэт считал самым насыщенным, творчески плодотворным.

Трудно, сложно пробивался на поэтический олимп детдомовец Николай Рубцов. После демобилизации бывший матрос перепробовал немало профессий: был кочеваром, шихтовщиком на Кировском заводе в Ленинграде, учился в вечерней школе и только в 26 лет стал студентом Литературного института. Правда, на втором курсе за "неадекватное" поведение был исключен из него, пришлось переходить на заочное отделение. Первая тонюсенькая книжечка стихов вышла в 1965 г. в Архангельске.

Но, несмотря на различные обстоятельства, талант его креп. Все чаще и чаще такие журналы, как "Октябрь", "Молодая гвардия", "Юность", "Смена", публикуют стихи Рубцова. Появляются доброжелательные отзывы критиков.

...Помню, в один из последних приездов в Орел Дмитрий Блынский, как всегда, зашел к нам в газету. Редакционный художник и его большой друг Слава Пуршев заканчивал графическое оформление новой книги поэта, которая должна была выйти в столичном издательстве.

Посидели у Пуршева в кабинете, посмотрели рисунки. Дима их одобрил. Потом к ним присоединились мы с Иваном Мироновым. Вчетвером неспешно прогулялись до городского парка. Зашли в "Волну" — был такой уютный ресторанчик на берегу Оки, у самого слияния ее с Орликском. Сидели, разговаривали под "сто грамм" и хрусткие огурчики. Вдруг Дмитрий обращается ко мне:

— Помнишь, как-то ты рассказывал о своем сослуживце матросе Рубцове? Ну о том, который меня в наследники Фета записал... Так вот, на днях я цикл стихов его прочитал в "Юности". Потом и в других журналах публикации видел... Хорошие, талантливые стихи. За душу здорово берут... Вот его, пожалуй, со временем и можно записать в наследники наших великих земляков. А вернее будет — в наследники Есенина...

Иван Константинович Миронов наполнил рюмки:

— Вот и тост есть. Давайте выпьем за новый талант!

В октябре 1965 года Блынский уехал в командировку от газеты "Правда" на Северный флот. Он очень стремился туда: звал море, суровая заполярная романтика, радовали предстоящие встречи с мужественными людьми. Помнил и о том, что когда-то отец работал в Мурманске.

Теперь можно только предполагать, сколько бы новых творческих задумок привез Дмитрий с Крайнего Севера, сколькими талантливыми произведениями порадовал миллионы читателей.

Не суждено было. 20 октября сердце Блынского остановилось. Остановилось на земле, где начинал свой трудный путь в большую поэзию матрос Николай Рубцов...

...Они так рано ушли из жизни, ушли на взлете, полные несосуществленных замыслов. Дмитрию Блыскому через несколько месяцев должно было исполниться 34, а в 35 лет в январе 1971 года трагически погиб Николай Рубцов. Смерть и стала началом его всенародной славы.

Александр МАКУШЕВ.

БЕРЕЗКА

Есть березка в долине...
 И в долине березки...
 И в долине березки...
 И в долине березки...

Семён ЕСЕНИН

Певцу России

Село Константиново...
 И в селе Константиново...
 И в селе Константиново...

Последняя прижизненная публикация Д. Блынского в "Орловской правде"

Коле Рубцову шел шестой год, когда умерла мама. Казалось бы, что мог запомнить слабенький, вечно голодный ребенок о той, которая дала ему жизнь? Можно сказать, ничего. Но поэт в своем творчестве вновь и вновь обращается к образу матери, вспоминает какие-то черточки, пишет о ней так, будто Александра Михайловна прожила большую-большую жизнь:

Немало проникновенных строк посвятил своей маме Дмитрий Блынский. Она рано осталась вдовой (муж умер от фронтowych ран в 1946 г.), и все тяготы по воспитанию троих детей легли на ее плечи. Он всю свою короткую жизнь будет благодарен ей за этот материнский подвиг. Сколько в письмах к ней нежной сыновней любви, трогательной заботы о ее здоровье.
 Прасковья Ивановна хватила